

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	
Глухонемое козлище	9
Глава 2	
Географ.....	12
Глава 3	
Знакомство	15
Глава 4	
Достатки и недостатки.....	19
Глава 5	
Зондеркоманда.....	22
Глава 6	
Воспитание без чувств.....	25
Глава 7	
Сашенька	27
Глава 8	
На крыше.....	30
Глава 9	
Красная профессура	33
Глава 10	
Ветка.....	40
Глава 11	
Лена	43
Глава 12	
Отклонение от темы	46

Глава 13	
Отлучение от мечты.....	49
Глава 14	
Мясная порода мамонтов.....	53
Глава 15	
Кира Валерьевна.....	57
Глава 16	
Пробелы в памяти.....	60
Глава 17	
Выпускной роман.....	64
Глава 18	
Градусов.....	72
Глава 19	
Будкин.....	75
Глава 20	
Мёртвые не потеют.....	80
Глава 21	
Торжество.....	86
Глава 22	
Отцы.....	91
Глава 23	
Тёмная ночь.....	95
Глава 24	
В тени великой смерти.....	100
Глава 25	
Пропажи.....	144
Глава 26	
Собачья доля.....	148
Глава 27	
Станция Валёжная.....	152
Глава 28	
Фотография с ошибкой.....	168

Глава 29	
«Эти глаза не против»	171
Глава 30	
Посетители	177
Глава 31	
Факты и выводы	182
Глава 32	
«В том гробу твоя невеста...»	185
Глава 33	
Бетономешалка	196
Глава 34	
Ищу человека	200
Глава 35	
Пусть Будкин плачет	207
Глава 36	
Сосна на цыпочках	212
Глава 37	
Последние холода	221
Глава 38	
Хочешь мира — не готовься к войне	226
Глава 39	
Окиян окаян	232
Глава 40	
Свини — свиньями	237
Глава 41	
В центре плоской Земли	243
Глава 42	
Виктор Сергеевич Макиавелли	250
Глава 43	
Незачем и не за что	256
Глава 44	
Вечное влечение дорог	260

Глава 45	
Уважительная причина для святости.....	264
Глава 46	
Оба берега реки.....	271
Глава 47	
Заполнение пустоты ничем.....	385
Глава 48	
Тупик.....	389
Глава 49	
Умение терять.....	392
Глава 50	
Одиночество.....	395

Это мы — опилки.

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

ГЛАВА 1

Глухонемое козлице

— Конечная станция Пермь-вторая! — прохрипели динамики.

Электричка уже подкатывала к вокзалу, когда в вагон вошли два дюжих контролера — один с ближнего конца, другой с дальнего, чтобы отсечь пути к бегству. Пассажиры заволновались, а небритый, помятый молодой человек, сидевший у окна, даже не оглянулся.

— Ваш билет, ваш билет, — однообразно повторяли контролеры, оборачиваясь то направо, то налево и медленно двигаясь к точке randevу посреди вагона.

За окном плыли багажные перроны, составы на запасных путях, семафоры, будки, штабеля шпал. Сверху мелькали решетчатые конструкции каких-то перекрытий. Молодой человек разглядывал все это очень внимательно и никак не реагировал на то, что процесс разделения пассажиров на агнцев и козлиц скоро зацепит и его. Многочисленные агнцы сидели тихо и горделиво, с затаенным достоинством, а немногие козлица, краснея, доставали кошельки платить штраф или же, поднятые с мест, скандалили, увлекаемые на расправу.

— Ваши билеты, — сказал контролер, останавливаясь напротив отсека, где сидел безучастный молодой человек.

Две бабки, помещавшиеся напротив него, суетливо протянули свои билеты, давно уже приготовленные и влажные от вспотевших пальцев. Контролер глянул на билетики и злобно укусил каждый из них маленькой никелированной машинкой. Девушка, сидевшая рядом с молодым человеком, не глядя подала свой билет, и контролер с ревнивой въедливостью прокусил и его. Молодой человек по-прежнему смотрел в окно.

— Ваш билетик, молодой человек, — сказал контролер, нервно пощелкивая никелированными челюстями.

Молодой человек даже не оглянулся.

— Эй, парень, — переставая щелкать, окликнул контролер.

Обе бабки с ужасом уставились на гордого безбилетника.

— Парень, не слышишь, да? — с угрозой спросил контролер.

Два пленных козлица за спиной контролера злорадно взирали на молодого человека, не отрывавшегося от созерцания товарных вагонов на дальнем пути. Над этими вагонами мирно покачивались ветви тополей, уже слегка тронутые желтизной.

Контролер протянул руку и постучал своей кусательной машинкой по плечу молодого человека. Тот быстро обернулся и непонимающим взглядом обвел раскрывших рты бабок, свирепеющего контролера, взволнованных козлиц.

— Билет есть? — прорычал контролер.

Молодой человек тревожно поглядел на его губы, потом на девушку, которая вздрогнула, соприкоснувшись с ним взглядами. Затем молодой человек вытащил из карманов руки и сделал несколько быстрых, плавно переливающихся один в другой жестов перед своим лицом, коснувшись пальцем края рта и мочки уха. Еще раз оглядев ошеломленных зрителей, молодой человек вежливо кивнул и отвернулся обратно к окну.

— Чего он?.. — растерянно спросило одно из козлиц.

— Глухонемой, — шепотом с уважением сказала бабка, сидевшая от глухонемого подальше.

Девушка напряглась, будто рядом с ней был не глухонемой, а вовсе покойник.

Контролер не знал, что делать. К нему подошел напарник, сгуртовав две кучи козлиц в одну.

— Все? — спросил он.

— Ну, — кивнул первый. — Только вон этот глухонемой.

— И что? Без билета, что ли?

— Да как ты у него узнаешь?..

— А плюнь ты на него, — посоветовал напарник и громко распорядился: — Ну-с, господа безбилетники, пройдемте на выход.

Электричка затормозила, динамик невнятно загнусавил.

Пассажиры облегченно зашевелились, поднимаясь с мест. В тамбуре зашипели разъезжающиеся двери. Одна из бабок ласково потрогала глухонемого за колено и, странно помахав рукой, громко сказала, участливо улыбаясь:

— Приехали!..

Глухонемой кивнул и встал.

На привокзальной площади было людно и тесно: громоздились автобусы, толклись у ларьков очереди, возле пригородных касс клубились дачники, навязчивые таксисты бодро кричали каждому второму: «Куда ехать?», одинокий певец надтреснутым голосом уверял спешащую публику в том, что не такой уж и горький он пропойца. Утреннее небо над вокзалом поднималось хрустальной призмой — пустое и бледное, как экран только что выключенного телевизора.

Глухонемой посмотрел на вокзальные часы, зябко пожегил и пошагал к ближайшему киоску. Вытягивая шею с небритым горлом, он через чужие плечи что-то высмотрел на витрине, достал из кармана смятую купюру и протиснулся к окошку.

— Бутылку пива, и откройте сразу, — хрипло сказал он.

ГЛАВА 2

Географ

Дымя сигаретой и бренча в кармане спичечным коробком, бывший глухонемой, он же Виктор Служкин, теперь уже побритый и прилично одетый, шагал по микрорайону Новые Речники к ближайшей школе. Над ним в вышине то и дело вспыхивали окна многоэтажек, отчего казалось, что солнечный шар покрыт щербатинами мелких сколов. Из какого-то двора доносились гулкие выстрелы выбиваемого ковра.

Школа высилась посреди зеленого пустыря, охваченного по периметру забором. За спиной у нее лежала асфальтированная спортплощадка, рядом с которой торчали одиночные корабельные сосны, чудом уцелевшие при застройке нового микрорайона. Справа от входа громоздилась теплица — ржавое скелетообразное сооружение без единого стекла. Широко раскрытые окна тоскующе глядели в небо, будто школа посылала кому-то молитву об избавлении от крестных мук предстоящего учебного года. Во дворе сновали ученики: скребли газоны редкозубыми граблями, подметали асфальт, таскали в теплицу носилки с мусором. За дальним углом курили старшеклассники, в каком-то кабинете играла музыка, на крыльце орали друг на друга мелкие двоичники, которые выгаскивали сломанную парту и застряли с нею в дверях.

В свежепокрашенном вестибюле Служкин спросил у уборщицы имя-отчество директора, отыскал директорские покои на втором этаже, постучался и вошел. Директор был высоким, грузным, лысеющим мужчиной в золотых очках. Он помещался за широким столом, а напротив него, разложив бумаги, сидела красивая полная женщина.

— Я по поводу работы, — пояснил Служкин. — Вам учителя не нужны?

— М-м?.. — удивился директор и кивнул на стул. — Присаживайтесь...

Служкин с достоинством уселся у стены. Женщина, с которой беседовал директор, оказалась обращенной к Служкину спиной, и это вызвало у нее видимое даже по спине раздражение. Однако развернуться в менее тициановский ракурс она не пожелала, а для Служкина другого места в кабинете не имелось.

— И какой предмет вы можете вести? — спросил директор.

— Ботанику, зоологию, анатомию, общую биологию, органическую химию, — не торопясь перечислил Служкин.

— Вы где-то учились? — через плечо спросила женщина.

— Биофак Уральского университета.

Спина стала еще более недоброжелательной.

— У нас уже есть учителя по всем этим предметам.

Служкин молчал, фотогенично улыбаясь. Женщина начала нервно перебирать свои бумаги. Наконец директор засопел и раскололся:

— Географию-то у нас некому вести, Роза Борисовна...

— Почему некому? Нина Петровна уже дала свое согласие.

— Она же пенсионерка, и у нее и так уже полторы ставки.

— Но мы не можем брать человека, который не имеет педагогического образования и не знает предмета, — холодно заявила Роза Борисовна.

— Биология, природоведение, география — это почти одно и то же... — туманно заметил директор и смущенно потер нос.

— Нет, — твердо возразила Роза Борисовна. — Природоведение и экономическая география в девятых классах — это не одно и то же.

— Роза Борисовна, для меня не составит труда ознакомиться с этим предметом, — вкрадчиво сказал Служкин.

Красивая Роза Борисовна слегка покраснела от ярости, собрала свои листочки в идеально ровную стопку и ледяным тоном произнесла:

— Впрочем, вы директор, Антон Антонович, вам и решать.

— Я всего лишь администратор. — Директор сделал жест, в котором было что-то от реверанса, и даже дернул под столом коленями. — С педагогами работает завуч — то есть вы, Роза Борисовна. Я бы не хотел принимать решения, не заручившись вашей поддержкой.

Роза Борисовна снова разложила бумаги веером, а потом все же обернулась на улыбавшегося по-прежнему Служкина.

— А вы представляете себе... э-э...

— Виктор Сергеевич, — услужливо подсказал Служкин.

Роза Борисовна мгновение помедлила, перебарывая имя.

— Виктор Сергеевич, — губы ее брезгливо вздрогнули, — что такое работа учителя? Вы имеете понятие о психологии подростка? Вы сможете составить себе программу и планы индивидуальной работы? Вы умеете пользоваться методическими пособиями? Вы вообще представляете себе, что такое школа?

— Вообще-то представляю, — осторожно сказал Служкин.

— Я думаю, вопрос ясен, — вклинился директор, хлопнув ладонью по столу. — За два дня до первого сентября нам, Роза Борисовна, другого учителя все равно не найти. Пишите заявление, Виктор Сергеевич. Если что, мы вам поможем. Вот бумага и ручка.

ГЛАВА 3

Знакомство

В комнате на диване лежали раскрытые чемоданы. Надя доставала из них свои вещи, напяливала на плечики и вешала в шкаф. Рядом в нижнем ящике четырехлетняя Тата раскладывала своих кукол. На письменном столе сидел большой пушистый серый кот и спокойно глядел на суету немигающими желтыми глазами. В проеме двери появился Служкин, вытирающий руки кухонным полотенцем.

— Надя, скоро восемь, Будкин придет, — сказал он. — Может, на стол чего накроем?

— А я его не звала! — строптиво отозвалась Надя. — Тоже мне барин выискался — стол ему накрывай да наряжайся!.. Я еще посмотрю, какой он. Больно он мне подозрителен...

— Просто он шпион американский. Он уже две автобусные остановки поджег и вчера с балкона на милиционера плюнул.

— И фамилия у него дурацкая, — настаивала Надя.

— Какая рожа, такая и фамилия. А ты за него замуж собралась?

— Да я хоть за кого бы пошла, лишь бы от тебя избавиться!

Надя с досадой грохнула в шкаф плечиками. У нее было красивое надменное лицо с темными продолговатыми глазами и высокими славянскими скулами.

— Я думал, ты за лето отдохнешь на даче, а ты все такая же...

— А ты не зли меня и алкашей своих не подсовывай!

Тут в прихожей раздался звонок. Служкин взглянул на часы.

— Будкин точен, как свинья, — сказал он. — Точность — вежливость свиней, — и он пошел открывать.

В прихожую, улыбаясь, шагнул высокий молодой человек атлетического сложения с римским носом, густыми бровями и коротко остриженными черными кудрявыми волосами. Надя и Тата вышли посмотреть на гостя.

— Знакомьтесь, — сказал Служкин. — Это Будкин, мой друг детства, а теперь еще и наш сосед. Он в четвертом подъезде квартиру себе купил, пока вы у бабушки гостили... Будкин, это Надя, моя жена. А это Тата, моя дочь. Это их я сегодня утром ездил на вокзал встречать... А это Пуджик, дикий зверь, его ты уже знаешь.

— Очень приятно, — протягивая Наде три розы, галантно сказал Будкин и приложился к ручке. — Много о тебе наслышан.

— Да и я... много наслышана, — мрачно ответила Надя.

Будкин присел на корточки и погладил по голове Тату, которая испуганно смотрела на него из-за маминой ноги.

— Я добрый, — сказал ей Будкин и достал шоколадку. — Держи.

— «Баунти»? — поинтересовался Служкин.

— Райское наслаждение, — подтвердил Будкин.

— Надя, а можно я всю сейчас съем? — спросила Тата.

— Половину, — распорядилась Надя. — А то зубы заболят.

— Снаружи шоколадка, а внутри кокос, — сказал Служкин. — Поначалу сладко, а потом понос.

Тата испуганно посмотрела на папу.

— Ешь-ешь, — ободрила ее Надя. — Папа у нас дурачок.

— И вот еще что я принес, Надюша, — ласково добавил Будкин, извлекая бутылку ликера. Надя хмыкнула, но приняла ее.

— Ну проходи, — неохотно сдалась она. — Не в комнату, конечно, на кухню.

На кухне все расселись за пустым столом, и Надя открыла холодильник. На подоконник тотчас запрыгнул

Пуджик, чтобы видеть, что станут есть. Он как-то мгновенно уже успел всем осточертеть: Тата об него запнулась, Служкин наступил на хвост, Надя чуть не прищемила ему голову дверцей холодильника, а Будкин едва не сел на него.

— Ты работу нашел? — полюбопытствовал Будкин.

— Нашел. Устроился учителем географии.

Будкин хехекнул с таким видом, будто сам он в этот день устроился на работу министром финансов.

— Хорош из тебя учитель будет, — саркастически заметила Надя.

— Ерунда, — отмахнулся Служкин. — В школе на меня всем плевать: хорош — не хорош, а вынь да положь. Если не найдется желающих пред именем моим смиренно поклонить колени, я не удавлюсь.

— Ты, географ, хоть помнишь, кто открыл Северный полюс? — спросил Будкин.

— Нансен... — неуверенно сказал Служкин. — Или Амундсен. А может, Андерсен. У меня не эта география. У меня экономическая.

— Ты, когда чего-нибудь забудешь, главное — ври уверенно, — посоветовал Будкин. — Или по карте посмотри, там все нарисовано.

— «По карте!» — хмыкнул Служкин. — Я сегодня кабинет принимал у завучихи, Угрозы Борисовны, так у меня там четыре наглядных пособия: глобус, кусок полевого шпата, физическая карта острова Мадагаскар и портрет Лаперуза. И все!

— Тебе хватит, — ободрил Будкин. — А если выгонят за профнепригодность — так и быть, возьму тебя к себе секретутом.

— А кем ты работаешь? — спросила Надя, резавшая колбасу.

— Форточником, — хехекнул Будкин.

— Шутки как у моего мужа — такие же идиотские.

Будкин не смутился. Служкин напомнил Наде:

— Я же тебе рассказывал — у него с отцом своя фирма при станции техобслуживания. Он там обслуживает тех за деньги. Вон под окном его гроб на колесиках стоит.

— Этот «Запор» у меня с фирмы, — навалившись на стену, вальяжно рассказал Будкин. — Так, дрянь. Грузы возить, по грязи кататься. А для города у меня «Вольво».

— А мы и такого не имеем! — с досадой кивнула в окно Надя.

— Ха! — возмутился Служкин. — Будкин еще в школе у пацанов мелочь в туалете вытрясал! Он ворует! А я и виноват!

— Ты лентяй, Витус, — хехекнув, объяснил Будкин. — Идеалист и неумеха. Только языком чесать и горазд.

Он взял со стола бутылку ликера и свернул с горлышка пробку.

— Витус, а чего покрепче у тебя нет? — спросил он.

Служкин сделал страшные глаза, кивнул на Надю, которая в это время отвернулась к плите, и изобразил удар в челюсть.

— Нету у нас водки! — безапелляционно заявила Надя.

Будкин указал себе пальцем в грудь, двумя пальцами сделал на столе бегущие ножки и поднял кулак с оттопыренным мизинцем и большим пальцем.

— Будкин, ты кого показал? — сразу спросила Тата.

— Киску, — сладко ответил Будкин.

Служкин тяжело вздохнул и виновато попросил:

— Давай, Надя, достанем нашу бутылку...

— Доставай, — подчеркнуто безразлично ответила Надя. — Ты же пьешь, а не я, — чего спрашивать?

— Мы в честь знакомства, Надюша, — поддержал Будкин. — Верно, Таточка?

— Полчаса как познакомились, а уже «Надюша», «Таточка»...

Служкин молча потянулся к шкафу и достал бутылку водки.

— Надя, не злись, сядь, — позвал он.

Сердитая Надя подняла Тату, села на ее место и пристроила дочку на колени.

— У нас денег на пьянку нет, — твердо сказала она, глядя в глаза Служкину, и персонально для Будкина добавила: — И не будет!

Служкин печально погладил бутылку и изрек:

— Доведет доброта, что пойду стучать в ворота...

ГЛАВА 4

Достатки и недостатки

Водку допили, и Будкин ушел. За окнами уже стемнело. Надя мыла посуду, а Служкин сидел за чистым столом и пил чай.

— Тут у крана ишачу, а ты пальцем не шевельнешь, — ворчала Надя. — Живешь от пьянки до пьянки, неизвестно о чем думаешь...

— Почему неизвестно? Известно. О тебе с Татой.

— Если бы обо мне думал, то взял бы да помог.

— Давай помогу, — согласился Служкин. — Отходи от раковины.

— Поздно уже, — мстительно ответила Надя. — Сразу надо было.

— Так я же Татку спать укладывал...

— Полтора часа? У меня она за пять минут засыпает.

— Я ей книжку читал — она слушала.

— Баловство все это! — упорствовала Надя. — Изображаешь перед ней заботливого папочку, да? Был бы заботливый, так не таскал бы в дом кого попало, деньги бы не пропивал, сам бы как свинья не нажирался! Если бы я на Будкина не цыкнула, он бы и сейчас сидел!

— Ему на работу завтра, вот он и ушел, а цыканья твоего даже не заметил. А если и заметил, так когда он захочет — ори не ори, будет пить до зари.

— Не понравился мне твой Будкин, — напрямик заявила Надя. — Самодовольный и ограниченный хам.

— Да тебе все не нравятся. Я — шут, Ветка — шлюха, Сашенька — дура, Будкин — хам...

— Как есть, так и есть, — отрезала Надя. — Что я сделаю, если у тебя все друзья с приветом? И где ты их только находишь?

— Я друзей не ищу, они сами находятяся, — философски заметил Служкин. — С Будкиным я с третьего класса дружу. Зря ты на него навалилась. Он хороший, только его деньги и девки избаловали.

— Чего в нем найти можно? — Надя презрительно сморщилась.

— Как — чего? Квартира, машина и хрен в пол-аршина...

— А что — квартира, машина, деньги? — тут же взъелась Надя. — Они всем нужны! Чего в этом такого особенного?

— Вот и я думаю — чего ж в них такого особенного?..

— Если тебе ничего не надо — это твои проблемы! — закричала Надя. — Только про меня с Татой ты подумал?

Служкин предусмотрительно промолчал.

— Каждая женщина имеет право пожить по-человечески — с квартирой, с машиной, с деньгами! И нет в этом ничего зазорного! Уж лучше бы я за какого богатого вышла — хоть пожила бы в свое удовольствие! А с тобой за эти пять лет я чего видела, кроме работы и коляски? Зря я маму послушала — надо было аборт делать! Всю жизнь ты мне изломал! Чего ты мне дал, кроме своих прибауток и поговорочек? Дай мне сперва квартиру, машину и деньги — а потом я посмотрю, нужно это или нет! А хаять-то все горазды, у кого нет ни хрена!..

— Ну квартира вроде бы есть... — робко пробормотал Служкин.

— Есть? — воскликнула Надя, разворачиваясь лицом к нему. — Эта конура, что ли? Да и она на твоих родителей записана!

— А я что сделаю? — развел руками Служкин.

— Ну сделай что-нибудь! Ты же мужчина!

— Э-э... пойду-ка я, пожалуй, на балкон покурить, — сказал, вставая, Служкин. — А ты успокойся, Надя. Все будет хорошо.

— Иди! Кури! — с отчаяньем крикнула Надя и загромыхала посудой.

Служкин ретировался на балкон и курил там, пока Надя не улеглась в постель. Служкин на цыпочках прокрался в комнату. Тата громко сопела в кровати, выставив из-под одеяла пухлую ножку. Надя уткнулась лицом в стену, в старый потертый ковер, пропахший пылью и Пуджиком. Служкин поправил Тате одеяло, тихонько разделся, лег к Наде и осторожно провел рукой по ее боку.

— О господи... — сказала Надя.

— Я соскучился... — извиняясь, прошептал Служкин.

Надя тяжело вздохнула, не оборачиваясь.

— Послушай, — вдруг произнесла она. — Давно хотела тебе предложить. Давай со всем этим закончим. Так будет честнее. Мне этого не надо, и я тебя совсем не хочу.

— А я тебя хочу.

— Лучше найди себе любовницу, только чтобы я не знала.

— Я не хочу искать...

— Тебе нич-чего, — Надя с чувством выделила слово, — нич-чего в жизни не хочется... Ну и мне от тебя ничего не надо.

— Ты ведь говорила, что любишь меня...

— Никогда такой глупости не говорила. И вообще, я устала. Я хочу спать. Иди лучше на диван, там просторнее.

— Ладно, — поднимаясь с кровати, покорно согласился Служкин. — Завтра все образуется. Утро вечера мудренее.
— Не мудренее, — жестко ответила Надя.

ГЛАВА 5

Зондеркоманда

Кабинет географии был совершенно гол: доска, стол и три ряда парт. Служкин стоял у открытого окна и курил, выпуская дым на улицу. Дверь была заперта на шпингалет. За дверью бушевала перемена.

В коридоре рядом с кабинетом зазвучал топот и гомон, кто-то подергал дверь, раздались шлепки брошенных на пол портфелей.

- Изнутри закрыто, — прозвучало за дверью.
- Там сидит, козел.
- Блин, щелка узкая, не посмотреть...
- Баскакова, ты географа нового видеда? Какой он?
- Да уж побасе тебя...

Кто-то явно измененным голосом противно закричал в замочную скважину:

- Географ, открывай, хуже будет!..
- Рыжий, постучи ручкой, как завучиха стучит.
- Сам стучи. Чего, шестого нашел, да?
- Ты, блин, скотина, чего мою ручку-то берешь?..

В дверь резко и четко отстучали ручкой. Затем настала тишина — школьники ждали. А затем грянул звонок на урок.

Дверь распахнулась, едва только Служкин сдвинул шпингалет. В класс с ревом, воплями и грохотом ринулась толпа девятиклассников. Впереди прорывались пацаны, пихая друг друга и выдергивая из давки портфели. Служкин молча сел за свой стол. Девицы, проплывавшие мимо него

вслед за пацанами, с интересом оглядывали нового учителя. Девицы в основном были крупные, а пацаны мелковаты, как ранняя картошка, но среди них попадались редкие экземпляры величиной со Служкина.

Служкин ждал, пока все рассядутся. Школьники орали, деля парты. Наконец сплошной гвалт перешел в сдержанный гомон, и весь класс ожидающе уставился на учителя. Служкин поднялся.

— Что ж, здравствуйте, девятый «вэ», — сказал он.

— Привет! — запищали с задних парт.

— Я вижу, класс у вас развеселый, — заметил Служкин. — Давайте знакомиться. Меня зовут Виктор Сергеевич. Я буду вести у вас географию весь год...

— А чо не Сушка? — крикнули с задних парт. — Сушка баще!..

— Комментарии оставьте при себе, — предупредил Служкин. — Иначе комментаторы вылетят за дверь.

На комментаторов угроза не произвела никакого впечатления.

— Для уроков вам будет необходима общая тетрадь...

— Тетра-адь?.. — дружно возмутились девицы с передних парт.

— Да, общая тетрадь, — подтвердил Служкин. — Для того, чтобы записывать свои умные мысли. Или глупые. Какие есть, в общем.

— А у нас никаких нет!..

— Раньше тетрадей не нужно было!..

— Я, на фиг, не буду заводить, и все дела! — заявил маленький рыжий носатый парень с хриплым пиратским голосом.

Голос этот звучал в общем хоре с первой секунды урока и не умолкал ни на миг.

— Не будем заводить! — орали с задних парт. — Идите в баню!..

— Ти-ха!! — гаркнул Служкин. — Закрывать рты!!

Гам, как рожь под ветром, волной приугас, пригнулся и тотчас вырос снова. Служкин отважно ринулся между рядов к гудящей галерке и сразу врезался ногой в чью-то сумку, лежащую в проходе.

— Пакет-то чо пинаете! — злобно рывкнула какая-то девица.

— Убери с дороги! — огрызнулся Служкин.

— Новый купите, если порвали... — нагибаясь, пробурчала девица.

Служкин двинулся дальше, но гам, стоящий в кабинете, не имел эпицентра, который можно было бы подавить, чтобы замолчала и периферия. Вокруг Служкина волоклась аура относительной тишины, со всех сторон овеваемая шумом. Служкин обежал парты и вернулся.

— Есть староста класса? — грозно спросил он.

— Нету! — ликующе завопила галерка. — Есть! Мы все старосты!

— Ергин староста, — выдал рыжий и носатый.

— Ергин, встань! — купился Служкин.

Никто не встал, но все головы развернулись к неведомой точке.

— Ергин! — тоном выше повторил Служкин.

— Вставай, тебе говорят! — услужливо закричали несколько голосов. — Вставай, козел, оглох, что ли?

С задней парты в проход упал пацан, выпихнутый соседом. Служкин ждал, пока он поднимется. Пацан был щуплым, с откровенно кретиническим лицом. Он застенчиво улыбался и бормотал: «А чо я-то?.. Чо я?..» Галерка ржала.

— Сядь! — с ненавистью велел Служкин и схватил со стола классный журнал. — Ладно, девятый «вз», — сказал он. — Сейчас я прочитаю список класса, а вы меня поправляйте, если я буду неправильно произносить фамилии... Агафонов!

— Патефонов! Телефонов! Солдафонов! — поправляли Служкина.

— Градусов!

Девятый «вэ» взревел от восторга.

— Только вякните чего, уроды! — заорал рыжий и носатый с хриплым голосом. Но за его спиной пацан уже рязинул рот, и рыжий, развернувшись, врезал ему кулаком в бровь. Пацан повалился назад, руша собою и две парты с визжащими девицами.

Служкин грянул журналом о стол.

— Встать всем!!!

Девятый «вэ» криво и вразнобой поднялся.

— Задние парты тоже!!! — гремел Служкин. — Подровнять ряды!!! Сесть!!! Встать!!! Сесть!!! Встать!!!

ГЛАВА 6

Воспитание без чувств

— Вы что, курили здесь, Виктор Сергеевич? — спросила Угроза.

— Э... — растерялся Служкин. — Я в окно... Окно открывал...

— Виктор Сергеевич, я попрошу вас больше никогда не курить в кабинете. Это школа, а, извините, не пивная. И вообще, попрошу вас не показываться ученикам с сигаретой. Наши дети и без того достаточно распушенны, чтобы еще и учителя подавали им дурной пример. Как у вас прошел урок в девятом «вэ»?

Роза Борисовна медленно оглядела кабинет: сдвинутые парты, стоящие в полном беспорядке стулья, мятые бумажки на полу.

— Отвратительно, — мрачно признался Служкин.

— А в чем дело? — ненатурально удивилась Роза Борисовна.

— Никакой дисциплины не было, — пояснил Служкин.

— Учителя говорили мне, что у вас весь урок в кабинете был какой-то шум. Отчего же у вас не было дисциплины? Вы — учитель новый, дети к вам не привыкли, должны робеть и сидеть смирно.

— Чего-то вот не заробели...

— Видимо, Виктор Сергеевич, вы сами в этом виноваты. Дисциплина на уроке всегда зависит от педагога. А педагог — это человек, который не только знает свой предмет, но и умеет других заставить его знать. Это умение приобретается лишь в специальном высшем учебном заведении — педагогическом институте. Если вам не довелось обучаться там, то и не стоит браться за дело, которое вы заведомо не сможете сделать.

— У меня создалось впечатление, что девятый «вэ» просто невозможно удержать, — заявил Служкин. — Это какая-то зондеркоманда...

— Это ваше сугубо личное впечатление. У других педагогов вопросов с дисциплиной в девятом «вэ» не возникает. Дети как дети.

— Я старался... — начал оправдываться Служкин. — Сперва увещевал, потом орал... Не хотелось ставить двойки в первый же урок...

— Двойки надо ставить за отсутствие знаний у ученика, а не за отсутствие педподготовки у учителя. А орать, как вы выразились, нельзя ни в коем случае. Дети и дома испытывают достаточно стрессов. Школа должна корректировать недочеты родительского воспитания, а не повторять их и тем более не усугублять.

— Школа не воспитательный дом, а я учитель, а не нянька, — возразил Служкин. — Когда в классе тридцать человек и все стоят на ушах, то нельзя скорректировать чье-то воспитание. Проще этих нескорректированных изгнать, чтобы остальных не перекорректировали.

— Вы сказали, что здесь не воспитательный дом, а школа? — разозлилась Угроза. — И вы, Виктор Сергеевич,

считаете, что лучший способ обучения ребенка в школе — это выгнать его из класса? Странные у вас взгляды. Дети приходят в школу учиться, как вы заметили, а ваша задача — научить их. Как вам их учить — это дело вашего опыта и профессиональной подготовки, и ребенок не виноват, если вы таковых не имеете. В конце концов, вам за ваше умение государство платит деньги, а вы, если говорить объективно, просто прикарманиваете их, когда выгоняете ребенка за дверь. Я как завуч запрещаю вам подобные методы работы.

— Я понял, Роза Борисовна, — покорился Служкин. — А что, другие девятые классы такие же, как этот?

— Абсолютно.

— Что ж... — попробовал пойти на мировую Служкин. — Как говорится, первый блин комом...

— Нет, Виктор Сергеевич, — с ледяным торжеством осадил его Угроза. — Для школы такая установка неприемлема. Мы не можем себе позволить ни одного блина комом, тем более — первого.

ГЛАВА 7

Сашенька

После работы Служкин пошел не домой, а в Старые Речники. Район был застроен двухэтажными бревенчатыми бараками, похожими на фрегаты, вытасченные на берег. Прощально зеленели палисадники. Ряды потемневших сараев стояли по пояс в гигантских осенних лопухах. Служкин вышел на крутой обрыв Камы и повернувшись наверх направился к судоремонтному заводу. Высокая облачная архитектура просвечивала сквозь тихую воду реки. Алые бакены издали казались рябиновыми листьями. Узкая дамба подковой охватывала затон с ржавым ожерельем понтонного моста

на горле. Под ветвями старых высоких тополей на дамбе, отражаясь в коричневой стоячей воде затона, застыли белые теплоходы.

Краснокирпичное дореволюционное здание заводоуправления грозно вздымалось над крутояром, похожее то ли на Брестскую крепость, то ли на баню, то ли на обвитое жилами могучее сердце древнего мамонта. У входа в гущу акаций заблудился обшарпанный Ленин.

В конструкторском бюро, увидев Служкина, приоткрывшего дверь, какая-то женщина крикнула в глубину помещения:

— Рунева, к тебе жених!

Служкин дожидался Сашу на лестничной площадке у открытого окна. Тихо улыбаясь, Саша прикурила от его сигареты. В Сашиной красоте было что-то грустное, словно отцветающее, словно красивой Саша была последний день.

— Чего ты так долго не заходил, Витя? — укоризненно спросила она. — Я по тебе так соскучилась...

— Закрутился, — виновато пояснил Служкин. — И школа эта еще...

— Школа, география... — мечтательно сказала Саша. — Ты, Витя, всегда был романтиком... Амазонка, Антарктида, Индийский океан... Вот уехать бы туда от всей здешней фигни — осточертело все...

Из затона донесся гудок корабля.

— Чего у тебя новенького? — спросил Служкин.

— А чего у меня может быть? Ничего. — Саша пожала плечами и вздохнула. — С соседями по малосемейке ругаюсь да картошку чищу...

— Как ухажеры? Рыщут?

— Какие тут ухажеры? — усмехнулась Саша. — Один какой-то в последнее время клеится, да что толку?

— Нету толка, когда в заду иголка, — подтвердил Служкин. — А кто он, твой счастливый избранник?

— Мент, — убито созналась Саша.

— Какой позор! — с досадой сказал Служкин. — А как же я?

Саша, смеясь, уткнулась головой в плечо Служкину.

— Хорошо с тобой, Витя. — Она поправила ему воротник рубашки. — Рядом с тобой так легко... Расскажи, как там наши?

— Наши или ваши? — ехидно спросил Служкин.

Саша потерлась виском о его подбородок.

— Ваши хорошо поживают, — сообщил Служкин. — Развлекаются, чаруют, деньги делают. Вчера зашел к вашим и увидел у них под кроватью целый мешок пустых банок из-под пива — выбежал вон в слезах. Я тут недавно подсчет произвел: если мне не пить и не есть, а всю зарплату на машину откладывать, то я накоплю на «Запор» через сто пятьдесят два года. А Наде, несмотря на весь ее меркантилизм, Будкин все равно не понравился даже со своим автопарком. Надя сказала, что он хам.

— Твоя Надя — умная женщина, — согласилась Саша.

— А она говорит, что дура, потому что за меня замуж вышла.

— Ну и что, что Будкин хам. Я это знаю. Но сердцу не прикажешь.

— Все сохнешь? — серьезно, с сочувствием спросил Служкин. — Зря, Сашенька. Если для тебя на Будкине свет клином сошелся — так ведь клин-то клином и вышибают... Это большой намек.

— А я ему письмо написала...

— Угу. И я определен в почтовые голуби, — догадался Служкин.

— И это тоже... — смутилась Саша и достала из кармана сложенный вчетверо тетрадный листок. — Прочитай, пожалуйста, Витя... Мне очень важно знать твое мнение... Прочитай вслух.

Служкин хмыкнул, взял листочек из ее пальцев и развернул.

— «Я очень устала без тебя. Мне кажется, что наша ссора — недоразумение, случайность. Она возникла из пустяка. Если ты считаешь, что я виновата, то я согласна и прошу прощения. Ты мне очень дорог и нужен. Я тебя жду всегда. Приходи», — прочел Служкин.

Саша внимательно вслушивалась в звучание собственных слов.

— Лаконично и поэтично, — сказал Служкин, складывая листок и убирая в карман. — Дракула бы прослезился. Но не Будкин.

— Считаешь, это бесполезно? — вздохнув, печально спросила Саша и задумчиво добавила: — Но ведь надо же что-то делать... Хоть бы ты, Витя, запретил мне это... Я бы тебя послушалась, честное слово. Ты же мой лучший друг.

— Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает, — назидательно изрек Служкин.

— Ты мне расскажешь, как он отреагирует на письмо?

— Расскажу, — согласился Служкин. — Хоть сейчас. Начинать?

ГЛАВА 8

На крыше

— Недавно я Руневу встретил, — лениво сообщил Служкин.

— Где? — так же лениво поинтересовался Будкин.

— А-а, случайно, — сказал Служкин. — У нее на работе.

Оба они, голые по пояс, лежали на расстеленных газетах посреди крыши. Они загорали на отцветающем солнце бабьего лета и пили пиво. Между ними стояла трехлитровая банка и раскуроченная коробка из-под молока, заменявшая кружку. Над ними на шесте, как скелет мелкого

птеродактиля, висела телевизионная антенна, которую они только что установили.

- Сашенька тебе письмо написала, — сказал Служкин.
- Не получал. Честное слово.
- Так она его через меня передала.

Служкин залез в карман джинсов, достал листочек и протянул Будкину. Будкин развернул его и стал читать, держа на весу перед глазами, солнцу на просвет. Читал он долго.

— Не ссорился я с ней ни фига, — сказал он, опуская письмо. — Это она на меня обиделась. Когда я последний раз был у нее, то всякие планы развивал, как зимой буду на горных лыжах кататься. А ее, естественно, не звал. Вот она и обиделась.

— А чего не звал-то? Трудно, что ли?

— Я бы позвал, так она ведь поехала бы, дура... А там одни ботинки как «Боинг» стоят. Где бы она на все денег взяла? Явилась бы в каких-нибудь снегоступах на валенках... Меня бы там на базе все засмеяли.

Будкин приподнялся, выпил пива и повалился обратно.

— А дальше чего у вас с ней было?

— Ничего... Дальше я занят был, мне к ней в гости ходить было некогда. Вот она и решила, что я обиделся. Детский сад, короче.

— Так сходи к ней, — посоветовал Служкин.

Будкин задумчиво начал складывать из письма самолетик.

— Неохота, — признался он. — Надоело мне с ней. Человек она, конечно, хороший, но тоску на меня нагоняет. Придешь — у нее как «прощание славянки». Нагрустит — хоть экспортируй.

Будкин ловким точным движением запустил самолетик. Тот нырнул, вынырнул, полетел за край крыши по красивой нисходящей линии, пронесся над желто-зеленым ветхим тряпьем березок в сквере и вдруг без видимой причины кувыркнулся вниз и исчез в тени, как в озере.

— Господин Будкин зажрался, — констатировал Служкин. — От такой чудесной девушки отказывается. Доиграется господин Будкин, точно. Имеет терема, а пригреет тюрьма.

Будкин захехекал.

— Руневой в тебя надо было влюбиться, Витус, — сказал он. — Вы бы друг другу идеально подошли.

— Я хоть к кому идеально подойду, — без ложной скромности ответил Служкин. — И отойду так же.

— Мне не такая девка нужна, — мечтательно произнес Будкин, глядя в теплое небо, которое незаметно, из глубины, словно бы начинало медленно промерзать на зиму. — Такая вот... — туманно сказал он и пошевелил пальцами. — Особенная...

— Такой большой, а в сказки веришь, — буркнул Служкин.

— Не-е, Витус, я не в сказки, я в жизнь верю. Это другие верят в сказки. Вот девки, что вокруг меня вьются, смотрят на меня как на какого-то Хоттабыча: мои бабки, хаты, тачки, свобода моя — для них какое-то Лукоморье. Потому они на меня и вешаются. А меня-то за всем этим не видят!

— А Сашенька видит.

— Рунева наоборот. Она счастлива уже одним тем, чего моя мама родила. А я этим тоже не исчерпываюсь. Руневой все равно: живи я хоть в шалаше с голой задницей, она все равно любить будет. Только в шалаше я себя уважать бы перестал. В общем, ни с той, ни с другой стороны нет уважения к тому, что я в себе ценю больше всего: к моему умению жить.

— Что это за умение? Умение деньги сделать?

— Не только. С этим умением я организовал свою жизнь так, что ни от кого и ни от чего не зависю... завишу...

— «Не зависею». А чего ж в тебе, несчастном, тогда ценят?

— Саму жизнь ценят, Витус, а не умение жить. Следствие, а не причину. А мне нужна такая девка, чтобы все эти жизненные блага ценила, но не рвалась за ними и не плевала бы